

На память о Чукотке

Николай Бережной

Николай Бережной

На память о Чукотке. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309734

ISBN 9785448525285

Аннотация

Кто будет читать эту книгу? Если честно – не знаю. Писал для себя, потом для детей, внуков. Для людей, с которыми жил и работал. Для тех, кто живёт в родном Эгвекиноте. В книге нет нехороших слов и кровавых преступлений. В книге описаны походы и путешествия по замечательной земле Чукотки, до сих пор хранящей свои тайны. Купите эту книгу, и вам будет, чем увлечься, занять себя, коротая время в вокзале аэропорта Анадырь, во время восьмичасового перелёта в столицу нашей родины Москву.

Содержание

Предисловие	5
Счастливая ошибка одного радиста	7
Старый винчестер	19
Лагуна детства моего	34
Работал на Чукотке	41
День Победы	51
Брат приехал	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

На память о Чукотке

Рассказы

Николай Бережной

© Николай Бережной, 2024

ISBN 978-5-4485-2528-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Кто будет читать эту книгу? Если честно – не знаю.

Вначале писал для себя, потом для детей, внуков, друзей. Для людей, с которыми жил и работал, для земляков, в разное время покинувших Чукотку. Для тех, кто ещё живёт в родном Эгвекиноте.

Эту книгу можно читать от первой страницы до последней или от последней до первой. Можно вообще не читать, но если вы в пути, то эта книга для вас.

В книге нет нехороших слов и кровавых преступлений. В ней вы найдёте приключения, рассказы о людях, о животных и о природе.

В книге описаны походы и путешествия по замечательной земле Чукотки, до сих пор хранящей свои тайны. Хотите расслабиться, отдохнуть? Купите эту книгу, и вам будет чем увлечься, занять себя, коротая время на вокзале аэропорта Анадырь, во время восьмичасового перелёта в столицу нашей родины Москву.

Это тот самый случай, о котором сегодня говорят – человеческий фактор.

Правда, моя история со счастливым концом.

Что называется – Happy end! Счастливое завершение!

Рассказ о том, как ошибка одного человека могла привести к трагедии. Но об этом знал только узкий круг специалистов.

Счастливая ошибка одного радиста

«Дежурство сдал».

«Дежурство принял 14.00 31 декабря 1976 года», – сделав запись в журнале, поставил я свою подпись.

– С наступающим Новым годом! – на прощание обменялись поздравлениями с коллегой и дружески попрощались. Ведь в следующий раз мы увидимся уже в новом, наступившем году.

За стенкой радиобюро – кабинет метеослужбы. С другой стороны, за большим окном, АДП – административно-диспетчерский пункт. Сквозь стекло большого окна видно спину сидящего за пультом диспетчера УВД – управления воздушным движением.

Щёлкнула крышка, и в окошке метеослужбы появился бланк погоды, который следовало передать в другое окно напротив, диспетчеру. Текст погоды со второго бланка я должен немедленно отправить по радио во все аэропорты Чукотки. Фактическое состояние погоды передаётся три раза в течение часа, каждые двадцать минут. В ноль часов, двадцать и сорок минут. Передавали так часто, чтобы готовящиеся к вылету экипажи могли оценить метеоситуацию, а их командиры – своевременно принять решение

для вылета в тот или иной населённый пункт или отмены рейса. Кроме сводок фактической погоды, были и другие телеграммы: краткосрочные и долгосрочные прогнозы, техническое состояние аэропорта, сообщения о текущих проблемах предприятия. Телеграммы технического характера. На Ми-4 02322 заменить подредукторную раму. Для 02284 прислать автомат перекося. Начальнику АТБ срочно прибыть в Анадырь. Ми-4 02317 отправить в Магадан для проведения технического регламента.

Здесь, в радиобюро, как в узком горлышке, концентрируется весь поток информации: о состоянии авиационной техники, о наличии загрузки, планы полётов воздушных судов. Работа радиста живая, интересная, увлекательная! Главное – значимая! Стоит надеть наушники, как сразу погружаешься в мир радио, в эфир, в понятный и знакомый только тебе одному мир точек и тире, и никто, кроме тебя, не может извлечь из этого неизвестного окружающим измерения столь необходимую информацию, от которой зависит, вылетит сегодня экипаж или же придётся ночевать в нашем аэропорту.

Ещё недавно в распоряжении радиста были: радиоприёмник, телеграфный ключ и микрофон. Но год назад в нашем радиобюро установили новенькие телетайпы. Один на приём, другой на передачу. Тот, который для приёма информации, немецкого производства, печатал на рулонной бумаге. Распечаталась телеграмма, оторвал её от рулона, поставил свою подпись и передал получателю: диспетчеру, синоптику

или в штаб.

Для передачи стоял аппарат другого типа. Распечатка информации, для контроля переданных данных, велась на узенькую бумажную клейкую ленту. Лента наматывалась на металлическую бобину, закреплённую на левой стенке аппарата.

Почти как в кино про революцию, когда Ф. Э. Дзержинский читает на ленточке телеграмму от В. И. Ленина.

Настроение самое что ни на есть праздничное!

С самого утра с небольшими перерывами идёт снег. Белый, пушистый! Лёгкий, совсем невесомый! Огромными снежинками, медленно кружась, снег укрывает сопки, дороги, крыши домов. Именно о такой погоде говорят: «Как на Новый год!»

На взлётно-посадочной полосе (ВПП) работает ротор – чистит полосу от снега. Диспетчер, сидя за пультом, читает какой-то свеженький журнал. Сейчас он сделал движение, повернулся к моему окну. Взял бланк с последней погодой, бросил взгляд на короткий текст и лениво сказал: «Пойду домой. Ничего сегодня не будет. Погода наша! Если вдруг что – звони». Он вышел из-за диспетчерского пульта, накинул кожаную лётную куртку, шапку и ушёл.

Деревянный двухэтажный восьмиквартирный дом, в котором жили семьи работников аэропорта, находился совсем рядом, буквально в пятидесяти метрах от здания аэровокзала.

Положив на полочку телетайпного аппарата бланк с погодой, я щёлкнул тумблером. Аппарат зажужжал, запел свою механическую мелодию. Пальцы забегали по клавиатуре, набирая цифровые и буквенные группы знаков, добавляя ритмический рисунок в музыку шелестящих шестерёнок теле-тайпа.

«Плохо текст видно. Света мало», – промелькнула в моём сознании мысль. А ведь сказали мне: «Надо лампочку подсветки поменять...» Перегорела накануне. «Ладно, сейчас передам погоду и заменю...»

В дверь радиобюро заглянул в лохматой заснеженной шапке Серёга, радиотехник. «Пойду домой. Чего сидеть зря. Всё равно уже ничего не будет. Если вдруг понадобится – позвони».

Я согласно кивнул. Иди, конечно! Диспетчер ушёл. Радиотехник мне тоже ни к чему. Пусть идут! Это только добавляло мне уверенности, что ещё час, полтора – и диспетчер Анадыря отпустит дежурную смену домой. Пора и к празднику готовиться! Кому охота сидеть допоздна?

А пока полётов нет, один из приёмников можно настроить на музыкальную волну. Вдруг новую песню посчастливится услышать, и тогда... О-о! Тогда её можно записать на магнитофон, разобрать на партии и ноты, подобрать на слух, разучить и сыграть на танцах в клубе или даже в ресторане. Иногда нас приглашали в ресторан. На свадьбу или день рождения. Но в большом дефиците были новые песни. Если пове-

зёт! С этими мыслями я надел наушники и стал крутить ручку настройки радиоприёмника.

Приёмники у нас профессиональные! Военные! Не то что какой-нибудь VEF или «Спидола». Таким приёмником и «Голос Америки», и «Радио „Свобода“», и «Би-Би-Си» можно поймать. Недавно Тель-Авив было слышно, причём на русском языке. Правда, передача была не очень приятная. После воя сирены диктор объявлял, какие районы города могут быть подвергнуты ракетной атаке, и перечислял адреса бомбоубежищ, где можно укрыться, спрятаться от палестинских ракет. «Вот это проблемы у людей!» – посочувствовал я жителям Израиля.

Включился и застучал приёмный телетайп. Я подошёл, оторвал появившийся в щели аппарата листок бумаги – бланк, прочитал напечатанный текст и не поверил своим глазам. Сосредоточился. Сконцентрировал внимание и прочитал ещё раз по буквам. Из текста телеграммы следовало, что в 14 часов 42 минуты к нам вылетел самолёт Як-40 с пассажирами на борту.

– Не понял! – искренне удивившись, вслух произнёс я сам себе. Мой взгляд через оконное стекло переместился на опустевшее кресло диспетчера.

Надо звонить!

Володя взял трубку. Молча выслушал мою короткую взволнованную речь и без лишних эмоций коротко сказал:

– Уже иду.

С Володей нам повезло. Спокойный, даже слегка флегматичный по характеру, он никогда не паниковал. В любой обстановке принимал единственно верное решение. Наверное, диспетчер УВД таким и должен быть. Уравновешенным. Спокойным. Надёжным. С твёрдым характером.

Я посмотрел в окно. Снег продолжал медленно ложиться на землю. Видимость почти ноль.

«Локатор!» – пронзила меня мысль. Серёга! Где Серёга? Звоню Сергею. Не отвечает. Надеваю шапку и бегу.

Серёга – многодетный папа. Двое маленьких детей. В квартире горшки, пелёнки, висящие на верёвках. Некогда подойти к телефону. Или не слышал звонка из-за детского плача. Взглянув на меня, без лишних слов всё понял.

– Летит?

– Запускай локатор!

– У-у...!!!

Бегом возвращаюсь в радиобюро. Ещё на бегу по крутой железной лестнице в диспетчерской из динамика слышу требовательный голос командира Як-40:

– «Провиант», я борт 87456, время вылета – сорок вторая минута, расчётное время прибытия – шесть часов пятнадцать минут. Прошу вашу погоду.

Читаю в микрофон последнюю метеосводку. В ответ тишина. Долгая пауза. Видно, командир задумался, принимая решение.

– Прошу техническое состояние аэропорта Шмидт.

– Вас понял. Ждите.

Бегу в радиобюро. Делаю запрос технического состояния аэропорта Шмидт и тут же получаю ответ: «Аэропорт Шмидт прекратил приём воздушных судов всех типов в связи с отсутствием готовности взлётно-посадочной полосы».

Читаю текст телеграммы на борту.

– Дайте другую погоду! – с настойчивостью в голосе требует командир Як-40.

Иду на метео.

– Девочки, Як-40 к нам летит. Просит другую погоду дать... – неуверенно спрашиваю я.

– Какой Як-40? Куда летит? Как это «другую погоду»? – в растерянности спрашивает синоптик. Подходит к окну, за которым идёт снег. – Какую другую?! Я не могу! Я не дам «другую погоду», – с испугом и возмущением, категорично говорит молоденькая девушка, техник-наблюдатель.

Послышались шаги по ступеням лестницы, ведущей к нам на второй этаж. Появился спокойный, улыбающийся, вселяющий надежду и уверенность диспетчер.

В окно увидели, как тронулась и начала вращаться антенна обзорного радиолокатора. Объяснил Владимиру обстановку и пошёл к себе в радиобюро.

«Каков молодец! – нахваливал я сам себя. – Чётко сработал! Локатор крутится. Диспетчер – на месте!» Главное – вовремя успеть! Чувство гордости переполняло меня за оперативность и проявленные организационные способности!

Из переговоров диспетчера с экипажем стало понятно, что командир принял решение садить самолёт в нашем аэропорту. А мог бы и в Анадырь вернуться. Благо, что снег прекратился. Видимость улучшилась.

– Полосу наблюдаю. Шасси выпущены. К посадке готов, – доносятся чёткие, отрывистые фразы из диспетчерской.

– Давление 758, тихо, посадку разрешаю.

Через минуту тишину аэродрома взорвал рёв реактивных двигателей, и красавец Як-40, виртуозно прокатившись по рулётной полосе, выключил двигатели на стояночной площадке.

Опустился трап в задней части самолёта. Пассажиры, как будто с детской горки выкатываясь один за другим, с сумками и чемоданам в руках торопились к зданию аэровокзала.

«Ну вот, – подумал я, глядя на них из окна диспетчерской. – Счастливики!» А ведь могли бы новогоднюю ночь в Анадырском аэровокзале провести. Вот это командир! Ай да молодец! Не побоялся лететь в такую погоду! Новый год ведь! Людям домой надо! Рисковый мужик!

Вот и сам герой! Высокий, стройный, подтянутый, молодой красавец в новой аэрофлотовской форме с золотыми погонами на плечах.

Поднявшись по металлическим ступеням лестницы, лётчики обычно заходят на метеослужбу или в диспетчерскую. Делают отметки в лётных документах, узнают погоду. Оформляют прибытие, убытие, заправку, предельную за-

грузку. Погоду по маршруту, ветер на высотах, подбирают запасной аэродром. А в это время вспомогательные службы аэропорта выгружают багаж, почту. Заправляют топливные баки самолёта. Загружают новых пассажиров, почту, необходимый груз.

Но в этот раз бравый командир, даже не поздоровавшись, взглянул на меня и как-то недружелюбно, даже вызывающе спросил:

– Радист?

Я утвердительно кивнул.

Командир взял меня за руку выше локтя и подтолкнул в открытую дверь радиобюро.

– Погоду за 14.20 ты передавал? Где бланк? – суровым, стальным голосом потребовал командир.

При этих словах мне стало как-то не по себе. В предчувствии чего-то нехорошего, ещё не совсем понимая, я протянул ему бланк переданной и подписанной мной метеосводки.

Командир посмотрел в текст, многозначительно покивал головой, молча подошёл к телетайпу, отмотал с бобины контрольную ленту переданной мной телеграммы.

– Иди сюда, смотри! Видишь? – указал на текст на бланке.

– Тут написано: «Девять баллов облачности на высоте 600 метров».

– А ты передал: «Три балла на 600», – и с этими словами он ткнул мне в лицо контрольную ленту телетайпа. – Разницу, надеюсь, понимаешь между «девять» и «три»?

С этими словами командир оторвал часть ленты, где была напечатана моя ошибка.

С бланком погоды и лентой в руке, сверкнув молнией испепеляющего взгляда, командир в ярости хлопнул за собой дверью.

Внутри у меня похолодело. «Так значит?..» – пронзила меня страшная догадка. «Значит, это я стал причиной „всепогодного“ рейса?» Разницу я, конечно, понимал.

При девяти баллах облачности на высоте шестисот метров командир Як-40 не имел права вылетать в наш аэропорт, а при трёх баллах – имел. Вместо фактических «девять» я ошибочно передал «три» балла!

Косяк явно мой, и теперь мне придётся за него нести ответственность!

Радость за прибывших пассажиров и гордость за себя тут же сменились растерянностью и смятением. И пока мой мозг с бешеной скоростью анализировал ситуацию и прогнозировал предстоящие последствия, из динамика громкой связи диспетчера раздался грозный голос начальника аэропорта: «АДП, дежурного радиста немедленно ко мне в кабинет!»

Диспетчер, сидя на вращающемся кресле, повернулся вполоборота: «Слышал? Иди за наградой!» – с улыбкой и долей сочувствия проговорил в форточку Володька.

«Провиант, я 87442. Вылетел к вам в пятьдесят третью минуту, расчётное время прибытия... Прошу фактическую

погоду».

«Ну вот, второй летит», – как бы между прочим, не без ухмылки проговорил диспетчер. Мы оба посмотрели в окно. Снег идти перестал. Показались вершины сопок, и даже стали видны краны морского порта. Значит, жизнь налаживается!

Когда после трёпки я вышел из кабинета начальника аэропорта, на стоянке уже стоял второй Як-40. Из одного самолёта люди выходили, в другой шли на посадку.

Молодая счастливая пара, обнимаясь, целовалась перед зданием аэровокзала, радуясь встрече. Новый год они встретят вместе!

«Если бы вы только знали, кто устроил вам эту встречу...» – грустно подумал я.

Ведь впереди меня ждут совсем не радостные события.

Объяснительные. Служебное расследование. Неотвратимость наказания.

Конечно, я вполне осознавал, что всё это мелочи в сравнении с тем, во что могла обойтись цена моей ошибки всего в одну неверную цифру. И всё из-за какой-то лампочки! Вот такая она, романтическая профессия радиста.

Старый винчестер Trade mark 1879

Экспонаты Эгвекинского краеведческого музея

Ночью моросил мелкий, противный дождь. Я вышел из балка. Туман тихо и безмятежно висел ниже середины сопки. На противоположной стороне галечной косы, под плотным одеялом серого тумана, плавно поднималась и опускалась тёмно-зелёная поверхность воды. Море дышало.

Осмотрев прилегающее пространство, вернулся в балок. Затопил печь. Привёл в порядок постель. Свернул спальный мешок. Собрал ещё тёплые ватные куртки на нарах. Подмёл дощатый, обитый жестяными заплатками пол. На корабле должен быть порядок!

К утру морось прекратилась. Сквозь туман местами пробивалось солнце. За водой идти метров сто пятьдесят. Чистейшей пробы вода, пройдя сквозь толщу скальных пород, обогатилась нужными минералами, впитав в себя аромат трав и кореньев, журча стекала по краю скалы, наполняя мой котелок.

На завтрак остатки дикой утки, случайно запутавшейся в сети. Тушёное мясо молодой гаги со свежей картошкой и чесночком. Половина жареной головы кижуча размером на всю сковороду. Крепкий, сладкий чай. Хлеб с маслом, икра-пятиминутка с мелко нашинкованным диким луком. Мечта браконьера!

Когда вернутся мои друзья, сказать сложно. Если вчера не пришли, значит, дело дрянь! Случилось что-то серьёзное. Скорее всего, проблемы с «Вихрем». Есть и другие предположения, но об этом думать не хочется. Никто из них не падкий на водку, и ничего непредвиденного произойти как будто не должно, хотя исключать ничего нельзя.

Всё необходимое для жизни у меня есть. Крыша над головой, печь, дрова, уголь. Спички, соль. Даже карабин на случай визита непрошеного гостя. Один такой вчера уже приходил. Вечером по отливу. Протопал через всю лагуну, но близко к балку подходить не стал. Да и слава богу! Не хотелось бы мне подобных приключений.

Вышел на улицу. Ватные клочья тумана, обнимая каменистые серые склоны сопки, из последних сил желая удержаться.

жаться, цеплялись рваными краями за чёрные клыки неприступных скал, похожих на сказочные замки, а над головой уже прояснялось высокое голубое небо. С первыми лучами солнца, пробившимися сквозь туман, потеплело. Бисером засверкала роса на траве. Заиграла зелень кустарника поодаль в тундре. Защебетали, засуетились мелкие юркие птицы. Начался дневной прогрев. Тундра ожила. Запела. Закипела жизнь! Настроение стало улучшаться. Судя по всему, день обещает быть летним!

Почистил от травы и прочего мусора сеть, растянутую со вчерашнего вечера на галечном берегу. Наломал топором дров из плавника. Вымыл посуду. Всё. Свободен! Можно в отгул. Когда ещё представится возможность осмотреть окрестности. В этих местах я первый раз. Пройдусь налегке вверх по ручью. Поднимусь на правую сторону поймы реки. На обратном пути пройду по склону сопки. Загляну в два-три распадка. Проведу разведку на предмет наличия грибов. Их здесь должно быть немерено!

Так спланировал я свою дневную прогулку. Если всё будет нормально, часам к шести или семи вернусь на базу. Если лодка с друзьями придёт, я всегда услышу её или увижу. Море и долина передо мной как на ладони.

Пакуемся. Несколько ломтиков жареной рыбы в пакет. Пакет в ведро. Туда же хлеб. Кружку. Флягу со сладким чаем. Ведро в рюкзак. Спички в карман. Бинобль. Нож на пояс. Болотные сапоги. Карабин. Закрыв дверь снаружи. Осмот-

релся. Всё. Пока отлив, можно сократить расстояние, перейти по дну лагуны на другую сторону.

Дно почти ровное, твёрдое, как футбольное поле, в основном из мелкого щебня, покрытого тёмно-зелёной тиной. На пути попадались грязевые лужи, которые я предпочёл обойти. Речка, каких здесь много, несёт свой горный поток из верховья долины. Перед впадением в залив она рассыпается на множество мелких ручейков. Самый полноводный и глубокий из них подмыл правый, обрывистый берег. Поднявшись по сыпучему, крутому склону, я оказался на ровном плоскогорье. Идти по такому плато – просто удовольствие! Сверху видно, как вдоль русла реки зеленеют густые заросли кустарника, уходящие в верховья незнакомой долины. Должно быть, там обитает настоящее заячье царство. Зайцы любят такие места. Еды вдоволь, легко укрыться в зарослях от потенциального врага.

Километра через три повернул к подножию сопки. На склонах, как ожидалось, краснеют шляпы грибов. Маленькие, большие, молоденькие, ярко-красные огоньки, а рядом забуревшие шляпы старых подосиновиков. Пока не беру. Далеко нести придётся. Вот только перейду через распадок на другой склон, там и начну собирать. Брать буду только молодые плотные грибы. Они лучше сохранятся, и если повезёт, довезу домой, замариную на зиму. Так и шёл, рассуждая про себя. Куда ни кинешь взгляд, по всему склону блестят на солнце грибные шляпы. Как жаль, что ни у кого

из нас нет кинокамеры. Удовольствие не из дешёвых, но я давно мечтаю купить шестнадцатимиллиметровую камеру «Красногорск-3». Каких красот можно наснимать!

Углубляюсь по склону в распадок, поднимаюсь на очередной холм. Ух ты!.. Что это? Кажется, нечто подобное я видел на фотографиях. Так чукчи раньше хоронили своих умерших сородичей. Умер человек в тундре. Положили его на бугорке. Тело обложили крупными камнями по окружности. Рядом с телом оставляли личные вещи ушедшего к «верхним людям», которыми человек пользовался при жизни. Обычно это: нож, кружка, ружьё. Пройдёт зима, лето, тело истлеет, его останки растащат по всей тундре дикие животные: волки, лисы, песцы. Останется только овал из камней и вещи, которые принадлежали умершему человеку. Это и будет ему памятником.

Похоже, я набрёл именно на такое место. Никаких признаков: ни одежды, ни останков человеческого тела – давно нет. Только выложенный на бугорке каменный эллипс, внутри которого лежит старое, ржавое ружьё. Беру в руки. Да это не простое ружьё! Американский винчестер! Вот это да! Вот это находка! Интересно, сколько же лет он здесь лежит? Скорей всего, не один десяток! Такого оружия я ещё никогда не видел. Даже у чукчей, когда работал в оленеводческой бригаде. Надо посмотреть внимательнее. Вдруг ещё что-нибудь найду. Так и есть. Металлическая трубка, свёрнутая из тонкого листа ржавого железа. На трубке нанесён

чукотский орнамент. Несколько прямых линий в виде ёлоч-ки. Трубка чуть толще диаметра карандаша, длиной санти-метров пять-шесть, открытая с двух сторон. Может быть, мундштук? Или пенал для хранения рыболовных крючков, швейных игл.

Да! Не каждый день дарит такие находки! Самое время сделать привал. Вот и место, располагающее к отдыху. Су-хой бугорок, плоский камень, рядом задорно журчит руче-ёк. Устроившись поудобнее, открываю рюкзак, достаю сухой паёк. Августовский день в полном разгаре. Видимость до го-ризонта. Ветра нет. «Жу-у-у-у...» – прогудел пролетающий мимо шмель.

Перекусил. Чай ещё сохранил тепло утреннего огня. При-нялся рассматривать интересную находку. Ствол винчесте-ра снаружи шестигранный. Деревянный выцветший приклад искривлён временем. Снизу, под ствольной коробкой, скоба для перезарядки патронов. Скоба намертво прикипела ржав-чиной к внутренностям механизма коробки. Сверху на ство-ле просматриваются буквы латинского алфавита: Trade mark 1879.

Ого! В этом году находке ровно сто лет! Подумать только! Сто лет назад этот винчестер изготовили в Америке. Потом много раз его передавали из рук в руки, продавали, покупа-ли. Каким образом он попал на Чукотку? Возможно, чукот-ские охотники обменяли на шкуры песца. Кем были его хозя-ева? Сколько пуль из него выпущено. Сколько жертв оказа-

лось на его пути. Ведь это целая история! Не каждый человек может похвастаться такими приключениями. И ведь они ещё не окончились! Эх, если бы в нашем посёлке был музей. Да вот только местная администрация без особого энтузиазма относится к этой идее. Я даже в Анадырь писал по этому вопросу. Ответ был неожиданным и категоричным: «Краеведческий музей должен быть только в столице Чукотки, в городе Анадыре». Точка. «Почему?» – недоумевал я. Почему не может быть музея в Эгвекиноте? И пошёл я искать ответ в поселковый совет. Там меня выслушали и сказали как-то неопределённо, что этот вопрос пока не актуален. Посмотри, в каком здании у нас поселковый совет размещается, а ты хочешь музей. Для музея надо специальное помещение изыскивать!

Ну да! Конечно, надо! Только кому этот вопрос решать, коли не вам, работникам поселковой администрации. Так, пригревшись на солнце, размышлял я, разглядывая свои находки.

Со стороны моря послышался звук лодочного мотора. Вдоль берега, в направлении нашей стоянки, оставляя за собой белый след на воде, появилась моторная лодка. Скорее всего, наша «Казанка». Пора идти, а то станут искать.

Искать меня никто не собирался. Ребята уже затопили печь, чтобы просушить намокшую одежду. На столе стояли две открытые банки тушёнки, порезанная луковица и початая бутылка «Столичной». Они, конечно, догадались, что я

где-то рядом. Скорее всего, пошёл собирать грибы. Первым делом стали рассматривать находку. Не то чтобы завидовали, но проявляли явно мужской интерес к оружию.

– Ну и что ты будешь с этим делать?

– Дома на стену повешу, а когда будет музей в посёлке, подарю музею!

– А когда он будет?

– Не знаю. В поссовете сказали, что надо искать помещение.

Допили оставшуюся водку. На ночь решили поставить сеть, чтобы поймать немного горбуши.

– Где-то в этом районе менты шарахаются, – предупреждающе вспомнил Валерка.

– Надо быть осторожнее. Если что, сетку из воды, икру с кастрюлей под берег в песок закопать!

Месяц назад у нас уже были неприятности с рыбинспекцией. Кажется, наше дело передали в суд. Думать об этом не хотелось. От таких мыслей настроение сразу ухудшалось.

После летних событий в лагуне на старом аэродроме меня охватывал жуткий страх, когда со стороны моря слышался звук чужого лодочного мотора. Ещё хуже, когда неожиданно низко над берегом появлялся вертолёт. В такие минуты возникает паническое желание бросить лодку, сети. Надеть на спину рюкзак и бежать, бежать подальше от берега, в тундру, в сопки, чтобы никто тебя не догнал и не нашёл!

А если разобраться – да какие мы браконьеры! Ну пойма-

ли сотню, другую хвостов за весь сезон. Это что, непоправимый ущерб нанесли природе? Запустили руку в государственную казну? Если бы можно было приобрести разрешительный билет на вылов рыбы, или как говорят, лицензию, у нас бы не было проблем. Так ведь нет у нас такой возможности. Живём на берегу моря. Отцы наши всю жизнь рыбу ловили, и никто им этого делать не запрещал. А пойдите в наши магазины. Разве в них можно купить свежевывловленную рыбу? Нет! Обидно как-то получается. Живём на берегу моря, а свежей рыбы не видим. Вот и приходится идти на злостные нарушения закона! Всё это очень напоминает мне какую-то странную игру, «кто кого перехитрит»! Мы, молодые, здоровые мужики, родившиеся и живущие на Чукотке, или государство в лице инспектора рыбоохраны, наделённого всеми властными полномочиями. Только игра эта для нас вынужденная, искусственно навязанная обстоятельствами. Мы совершенно не желаем нарушать законы. Это инстинкт мужчины-охотника, живущий в каждом из нас, гонит нас в море, в горы, в тундру за приключениями, за очередной порцией адреналина!

Вечерело. Солнце спряталось за сопку. Похолодало и стало темнеть. В этот момент послышался гул лодочного мотора. Судя по всему, лодка уже вошла в устье протоки.

Не сговариваясь бросаемся собирать сеть, лежащую на берегу. Хорошо, что сеть сухая и чистая, собрать такую не составляет труда. Мешок с сеткой бросаем под балок. Если се-

ти у нас нет, сильно шманать не станут. Тем более лодка наша обсохла, стоит на берегу. Никаких следов браконьерства нет, и по всему видно – рыбу мы не ловим.

Из-за поворота дальнего мыска вырулила лодка. Старый, неуклюжий «Прогресс» медленно ползёт в нашу сторону. В лодке двое. Инспектор рыбоохраны Евгений Суханов и инспектор по оружию местного ОВД Василий Шурдук.

С чрезмерно строгими масками на лицах сошли на берег. Закрепив лодку, приступили к осмотру прилегающей местности. Нам бояться нечего. Рыбы у нас и правда нет. Карабин и сети спрятаны. В то время как рыбинспектор пошёл осматривать берег, Василий подошёл к нашей лодке. Увидев старый винчестер, взял в руки, стал вертеть, осматривая со всех сторон.

– Ух ты! – не без восторга приговаривал Василий.

– Откуда это у тебя? – удивился инспектор по оружию.

– В тундре нашёл, – заподозрив недоброе, проговорил я.

– Хороший реквизит! – радостно заявил Василий. – Будем изымать или добровольно отдашь?

– Зачем изымать? – смотрел я на Василия. – Ведь он совсем старый и стрелять из него невозможно, – ещё надеясь, что всё может обойтись, взмолился я.

– А ты что, специалист по оружию? – повысив голос, властно спросил мент.

Я покорно замолчал.

– Вот то-то! – для убедительности проговорил Василий и,

взяв винчестер за цевьё, направился к своей лодке.

«Чёрт меня дёрнул оставить винчестер на видном месте, – с досадой подумал я. – Как теперь его вернуть?»

Не оборачиваясь, как будто прочитав мои мысли, инспектор проговорил:

– Если есть вопросы, придёшь ко мне в отдел, там и разберёмся.

Он, конечно, думал, что я испугаюсь и не позволю себе такую «наглость». Но я пришёл. К девяти утра в понедельник я был в дежурке местного ОВД.

Ждать долго не пришлось. Из-за угла соседнего здания появился инспектор. В форме и сапогах он брёл, ещё не совсем проснувшись ото сна. Проходя мимо, бросил на меня вопросительный взгляд и, конечно, понял, для чего я здесь.

– Напрасно ты пришёл, – как-то вяло и безразлично бросил на ходу инспектор. – Твой винчестер я передал начальнику отдела, – обречённо добавил Василий. – Если хочешь, можешь обратиться к нему, правда, сегодня начальника не будет, – и поднявшись по высоким ступеням деревянного крыльца, инспектор скрылся за дверью пристроенного к зданию тамбура.

Начальник отдела – мой сосед по подъезду. Не скажу, что мы были добрыми соседями. Достаточно пожилой, не совсем приветливый, даже угрюмый мужчина. Хоть и жили мы в одном подъезде, но встречались редко. На моё «Здравствуй» мог ответить ленивым кивком головы, но чаще всего прохо-

дил мимо. Семьи у него не было, да и жил он как-то странно. Однажды забыл закрыть кран с водой в ванной комнате. Когда дали воду, она полилась мимо ванны на пол и далее, через щели в полу, в нашу квартиру, так как жили мы этажом ниже. Мы с другом звонили по телефону дежурному отделения милиции, пытаясь найти хозяина квартиры, но безуспешно. Пришлось идти на умышленный взлом злополучной квартиры. Отжав монтировкой замок, дверь без особого труда открылась. Интерьер и обстановку в квартире описывать не стану. Скажу только, что вместо мебели в комнате на полу стояли деревянные ящики из-под картошки. Наверное, так живут те, кто приехал на Чукотку не жить, а отбывать свой срок. Всё у них временно. В народе их так и называют простым, коротким словом «временщики». За дверь ванной комнаты шумела выливающаяся из крана вода, а пол прихожей и комнат полностью залит. Полы в комнатах дощатые с щелями между досок толщиной в палец. Перекрыв кран, мы принялись убирать воду с пола. Совок, ведро, половые тряпки. Использовали все подручные средства. По завершении трудоёмкой работы написали хозяину записку не без юмора о том, что это я, сосед со второго этажа, вынужден был нелегально проникнуть в вашу квартиру, так как вы забыли закрыть кран, в результате чего с высоты моего потолка обрушился весенний проливной дождь. Не знаю, как отреагировал начальник отдела милиции на наше «самоуправство», но последствий для меня никаких не было.

Не последовало и ожидаемых извинений с его стороны.

Вспоминая эту историю, обращаться к начальнику районного отдела мне представилось как минимум затеей неоправданной. Надо подумать. А не пойти ли мне в районную администрацию? Сразу к председателю райисполкома? Обрадовавшись такой идее, я стал обдумывать план действий и к какому результату мой визит может привести.

Бази́ка Магомедовича Добри́ева я знал. Не помню точно, где и как мы познакомились. Наверное, на одном из заседаний исполкома, где я, как внештатный корреспондент, занимался фотосъёмкой для районной газеты «Горняк Заполярья». Чем чёрт не шутит, а вдруг Базик Магомедович меня поймёт и поможет? По крайней мере, есть повод для разговора о сохранении культурного наследия Чукотки, о создании районного музея, и я уверенно зашагал в сторону райисполкома. В приёмной секретарь, как положено, спросила меня, по какому я вопросу.

– По личному.

– Тогда заходи, – без лишних формальностей жестом пригласила секретарь, указав рукой на дверь.

Вошёл, поздоровался. Кратко рассказал свою историю.

– Но ведь у нас нет музея, – сказал Базик Магомедович.

– Так ведь будет когда-нибудь! – с надеждой заявил я. – А пока винчестер мог бы храниться у меня, – продолжал я свою мысль.

– Что я могу вам сказать, – вдумчиво проговорил Базик

Магомедович. – Если бы музей был, тогда и разговор бы был другим. Но музея нет. Значит, и разговора нет. Милиция знает, что делает. Если не положено такое оружие дома хранить, значит, закон не позволяет. Я думаю, инспектор всё правильно сделал, – и Базик Магомедович всем своим видом дал понять, что разговор окончен.

Опустив голову, буркнув на прощание «до свидания», я вышел из кабинета.

А дня через два в моей квартире раздался телефонный звонок.

– Николай, – проговорила трубка голосом инспектора по оружию. – Зайди в отдел.

«Вот те раз, – подумал я. – К чему бы это?» Не зная толком, радоваться мне или готовиться к чему плохому, я вышел из дома и побрёл в милицию.

Спросив разрешения у дежурного, пошёл по длинному деревянному коридору в кабинет инспектора.

Не проронив ни слова приветствия, инспектор указал на угол кабинета, в котором стоял конфискованный у меня винчестер.

– Забирай! – коротко бросил Василий.

Без лишних слов я схватил свою реликвию. Уже в дверях услышал напутственный голос инспектора:

– Просверли отверстия по стволу. Обязательно!

– Хорошо, – буркнул я в ответ и пошёл прочь по узкому, плохо освещённому коридору. Дежурный ни о чём меня

не спросил, проводив холодным взглядом до выхода.

Ну вот! Значит, сработало!

Отверстия в стволе и в патроннике я просверлил. Целых четыре штуки. Не помогло. Не суждено было старому винчестеру дожидаться своего места на стеклянной полочке музея. Года через полтора или два, когда вопрос о районном музее был уже в стадии решения, в квартиру постучали. Два милиционера при исполнении служебных обязанностей изъяли у меня винчестер по акту, теперь уже в законном порядке. Причиной стал произошедший случай с одним из жителей посёлка. Говорят, он угрожал кому-то своим винчестером.

Оба винчестера отправили на экспертизу. Экспертиза не признала изъятый у меня винчестер оружием. Но теперь мне его уже никто не вернул.

Как закончилась насыщенная приключениями жизнь старого винчестера, никто никогда не узнает. Может быть, судьба привела его в другой музей или в частную оружейную коллекцию. Скорее всего, он попал под гидравлический пресс. Так ничего и не успев рассказать о себе. А жаль.

Лагуна детства моего

Очень изменился Эгвекино́т за последние годы. Не могут не радовать жителей яркие, красивые фасады жилых домов, бетонные дороги, улицы посёлка. Наши земляки, отдавшие годы своей молодости Эгвекино́ту, искренне радуются новому его возрождению. Даже те, кто никогда не бывал здесь, увидев в интернете фотографии улиц и дорог, с интересом спрашивают: «Это где такая красота? Это Россия?» И уже не без удивления: «Это где, на Чукотке?»

Многие, кто прожил здесь не один десяток лет, помнят серые каменные стены зданий, ветхие дощатые домики, которые называли здесь шхунами, обитые чёрным рубероидом. Высокие заборы со сторожевыми вышками по углам, а за забором торчащие из-под земли, пропитанные битумом крыши бараков, в которых жили первые поселенцы сороковых, пятидесятих годов. Навивающие тоску столбы с провисшими проводами. Гравийные дороги и грязь вперемешку с угольной пылью. Бензозаправку почти в центре посёлка. Мусорные кучи – помойки – отходы жизнедеятельности с угольной золой и консервными банками, вытаивающие из-под снега возле каждого дома. Каждую весну жители граблями и лопатами грузили мусор на самосвал, чтобы увезти на свалку. Чадающие трубы котельных. Висящий над посёлком смог чёрного дыма в зимние морозные дни.

Сегодня это уже в прошлом. Избавились от дыма, копоти и пыли. Никто не топит печь в собственном доме, не надо но-

силь воду от водовозки до бочек, установленных в длинном коридоре на втором этаже. Люди живут в уютных квартирах с полным набором стандартных удобств. Живи да радуйся!

К сожалению, есть и утраты. Если честно, не знаю, как их оценить. Тот, кому эта история неизвестна, даже не предполагает об этой потере.

В детстве мальчишками мы приходили на берег лагуны, где наши отцы ставили рыболовные сети. В них ловился голец, горбуша. Нам всегда здесь было интересно и весело. Вдоль берега горели костры. Над огнём висел котёл, в котором варилась уха из свежельовленной рыбы. Рядом с костром – закопчённый чайник с терпким запахом крепкого чая.

Особенно здорово было в тёплые, солнечные дни, как только ветер выгонял лёд из залива. В конце июня, в первые июльские дни в лагуну через протоку заходили большие косяки мелкой рыбёшки, которую все называли уёк. Сегодня мы знаем, что это мойва – прибрежная корюшка. А тогда – просто УЁК. Рыбы в лагуне было так много, что её ловили сетями с берега, сачками с деревянных плотов, подсекали крючками и просто руками в лужах во время отлива.

Стоя на берегу, было видно, как некая тёмная масса, похожая на гигантскую змею, медленно двигается под водой вдоль берега. Когда путь «змее» преграждала очередная сеть, тёмная масса, заполнив собой всё пространство внутри сети и обогнув её, продолжала свой путь дальше. Мужчины,

одетые в болотные сапоги, медленно заворачивали дальний край сети и за верёвку тянули её к берегу. Внутри образовавшейся западни билась и плескалась мелкая серебристая рыбёшка, пахнувшая морем и свежими огурцами. Женщины и дети, не дожидаясь, когда рыбу вытащат на галечный берег, радуясь от восторга, вёдрами, сачками, кастрюлями черпали уёк прямо из сетей.

И никто не ругал их за это. Наоборот, рыбаки ждали, когда всю рыбу вычерпают из бредня, чтобы снова поставить сеть в море.

Почти все жители посёлка в течение недели были прикованы к лагуне. По посёлку разносился вкусный аромат жареной рыбы, которую готовили в каждом доме.

Рыбу солили в деревянных бочонках и огромных кастрюлях, потом нанизывали хвостиками на суровую нитку и развешивали вялить на ветерке под карнизом крыши или перед своим окном.

Вяленый уёк был для нас лакомством особенным.

После длинной холодной зимы короткие солнечные летние дни были для жителей посёлка настоящим праздником!

Но наступили чёрные дни и для лагуны. В семидесятые годы в двухстах метрах от берега построили банно-прачечный комбинат, сточные воды которого с растворённым мылом, каустической содой, хлоркой и прочей химией безо всякой очистки ручьём потекли в воды лагуны.

Кроме того, с вводом в эксплуатацию комбината железо-

бетонных изделий, который изготавливал панели для жилых домов типа «Арктика», стали разбирать гравий на косе, которая отделяла лагуну от моря. Спустя несколько лет от косы не осталось и следа. Место, где раньше была лагуна с её чистой морской водой, превратилось в отстойник. Дно лагуны обмелело, заилилось. Вот так и не осталось от нашей лагуны и следа.

Не буду давать оценку варварскому вмешательству человека в хрупкий мир арктической Природы, хотя и так каждому понятно, если рыбы не стало, произошло нарушение экологического баланса, прервались пищевые взаимосвязи в среде обитания подводного мира. И хоть говорится, что дети не несут ответственность за своих родителей, как-то нехорошо на душе. Как будто сам провинился в чём-то.

Я не стал бы заниматься воспоминаниями, если бы не одно обстоятельство. Попробую взглянуть на вопрос с другой стороны.

Пока посёлок ещё растёт и обустроивается, неплохо подумать, а может быть, есть смысл восстановить историческую справедливость? А что если исправить ошибку, допущенную в прошлом? Отсыпать грунтом, восстановить косу. Отделить лагуну от моря. Почистить, заглубить дно лагуны и на этом месте сделать небольшую уютную гавань, берега которой одеть в бетон. В гавань будут заходить небольшие катера и лодки. В основании косы, в том месте, где установлен памятник строителям автодороги, и на самой косе обу-

строить прогулочную территорию с зелёными насаждениями, малыми архитектурными формами. Установить символический маяк с настоящим лазерным излучателем или просто электрическим фонарём. Пусть светит вдаль, приглашая в нашу гавань туристов, путешественников и всех, кому интересно посетить Эгвекинот. На самом верху маяка под стеклянным куполом оборудовать смотровую площадку, поднявшись на которую визуально и через подзорную трубу можно наблюдать зашедших в бухту, кормящихся рыбой китов, разглядывать водопад на той стороне залива, скалы окружающих сопок. В ночное время в телескоп можно смотреть на звёздное небо, планеты, Луну, пролетающие спутники. А это уже астрономическая обсерватория!

На отведённой территории установить скульптуры первопроходцев, осваивавших чукотские земли. Семён Дежнёв, Витус Беринг, Курбат Иванов. Владимир Миляев, Герман Жилинский. Изготовить и поставить макеты дежнёвских копей, на которых ходили русские казаки в свои дальние походы. Реконструкцию пакетбота «Святой Гавриил», на котором 1 августа 1728 года в воды нашего залива зашёл командор Витус Беринг, давший название заливу Святого Креста.

А если помечтать, то можно построить туристический, культурно-исторический центр, гостиницу, отель под названием «Витус Беринг» или «Св. Гавриил», где смогут остановиться на ночлег заезжие к нам туристы, другие гости посёлка. Здесь же они могут познакомиться с историей наше-

го края, посетить художественный салон, приобрести понравившийся чукотский сувенир, сфотографироваться рядом со скульптурами исторических личностей.

Можно создать парк доисторических животных, которые жили на территории древней Берингии десятки, сотни и миллионы лет назад. Мамонт, саблезубый тигр, шерстистый носорог, птеродактиль. Вот где раздолье для детских развлечений, одновременно развитие эстетической культуры.

А что, история начинается с мечты!

Работал на Чукотке

История создания памятника вертолёту Ми-4 в аэропорту «Залив Креста».

Кому конкретно принадлежит мысль поставить Ми-4 на пьедестал в аэропорту «Залив Креста», теперь никто не скажет. Как обычно, идея летала в воздухе. Все работники аэропорта, и лётный и технический наземный состав, уже знали, что век Ми-4 подходит к завершению. Скоро ему на замену придёт новый, современный вертолёт Ми-8. Конечно, это здорово! Новая, красивая, сильная машина, но уж очень как-то грустно и тоскливо на душе, даже у меня, меньше всего имеющего непосредственное отношение к винтокрылой машине.

В памяти появляется гигант аэрофлота Ту-104, установленный на привокзальной площади аэропорта Внуково, Ту-114 в Домодедово, Ан-12 перед аэровокзалом в аэропорту Магадан. Тогда почему, почему нельзя сохранить, увековечить память о нашем добром работяге Чукотки Ми-4? Уж столько по-настоящему добрых дел сделал этот воздушный труженик! Сколько тонн грузов было перевезено в чукотские сёла, оленеводческие бригады, геологические партии.

А сколько людей-пассажиров. Сколько писем, журналов, газет. Сколько жизней было спасено благодаря этой замечательной машине!

Может быть, первым сказал о том авиадиспетчер Максим Супрунюк, возможно, кто-то из лётных командиров или техников АТБ, но слово было сказано, и дело закрутилось!

Вначале обсудили между собой в личных беседах. На рабочих местах. Чтобы придать делу официальность, собрали комсомольское собрание. Ну, куда мы тогда без комсомола, без руководящей роли КПСС, без администрации, так себе, безликая масса. Надо заручиться согласием руководства аэропорта. Желательно и поддержку получить не только моральную, но и финансовую. Как-никак бетон, цемент, краска, работа автокрана имеют свою конкретную стоимость, да и энтузиазм исполнителей неплохо бы поддержать. Как ни верти, а мимо бухгалтерии аэропорта и её кассы никак не пройти!

Вопрос раскрутили быстро. Идею поддержали единогласно от авиатехника до начальника аэропорта. Осталось получить одобрение у властных структур наверху. «Верхом» в ту пору для нас был райком комсомола. Туда я и отправился по заданию молодёжного коллектива аэропорта. Дело в том, что первым секретарём райкома комсомола была моя соседка по лестничной площадке. Решили, что с учётом добрососедских отношений мне будет проще, чем кому-либо другому, договориться с комсомольскими вожаками. Да и труд-

ностей никаких, честно говоря, не намечалось, не предвиделось. Так себе – пустая формальность. Кто посмеет препятствовать столь высоким, чистым намерениям – созданию исторического памятника. А для работников райкома ВЛКСМ такой огромный плюс! Публикация материала в районной газете и в областной «Магаданский Комсомолец». Вопрос казался мне вполне понятным и решённым!

На ходу заготовив короткую речь, смело вхожу в кабинет первого секретаря. В нескольких словах, в оптимистичной форме рассказываю симпатичной девушке о том, что мы, комсомольцы аэропорта «Залив Креста», просим поддержать нашу инициативу и т. д. и т. п. Буквально через минуту я закончил своё вступительное слово и краткий монолог.

Над столом комсомольского секретаря повисла гробовая тишина. Стены кабинета молчали, а голубые глаза обаятельного секретаря сосредоточенно смотрели в стол, будто там было написано что-то очень важное. Улыбка постепенно сходила с моего лица. Реакция девушки была неожиданной. Пауза явно затягивалась.

«Я что-то не так сказал? – пронеслось в голове. – Почему она молчит?»

– Понимаешь, Николай, – как-то медленно, подбирая правильные слова, начал секретарь. – У нас план в этом году по цветному металлу не выполнен, и этот вертолёт мы запланировали передать на Вторчермет в счёт годового плана

по сбору цветного металла.

После паузы, уже более уверенно, Оля добавила:

– Поэтому ни о каком памятнике не может быть и речи.

Адреналин ударил мне в голову. Я стоял в кабинете перед милой девушкой с чувством провинившегося первоклассника, и ей было невдомёк, что она только что убила меня своими словами, и кажется, даже не понимала этого. Миленькая девушка Оля в течение одной минуты решила вопрос, который целый год готовил коллектив людей, преданных своей работе, своему делу. Людей, которые мечтали оставить память о своём времени, о себе, чтобы о них помнили, знали их имена.

Я вышел из кабинета, из здания и побрёл домой. Настроение было испорчено. На душе стало холодно и неприятно. Как такое может быть?! Ничего себе, комсомольцы-добровольцы!

Как я скажу об этом Максиму, Лёшке, Вите и другим ребятам?

Получается, я провалил всё дело! Как такое можно объяснить? Я шёл домой, понунив голову. И вдруг меня осенило!

Моя заготовка статьи в районную газету «Горняк Заполярья» по этой теме уже была почти готова. Осталось только написать мнение товарищей из райкома комсомола.

А что если? А пусть потом попробуют возразить! Пусть они откажутся от того, что там написано! Пусть они сами скажут всему коллективу аэропорта, что место

Ми-4 не на пьедестале памятника, а в куче металлолома на сопке!

Утром следующего дня я был в редакции газеты, в кабинете главного редактора. Из рук в руки передал фотографию и листы с текстом заметки об инициативе работников аэропорта и будущем памятнике. В редакции меня давно знали. Вопросов никаких не задавали, и я ничего объяснять не стал. Отдал как есть. А через день вышел номер газеты с материалом о памятнике вертолёту Ми-4.

Был октябрь месяц 1984 года.

До открытия памятника оставалось ещё целых три года.

Памятник вертолёту

Газета «Горняк Заполярья» от 25 октября 1984 г.

– Даже не верится, что сегодня последний день в Эгвекиноте, – сказал за завтраком в столовой аэропорта бывший бортмеханик вертолёта Ми-4 Александр Григорьевич Шмин.

Начинался обычный рабочий день, и нам, сидевшим с ним за одним столом, стало грустно от этих слов. И утро сразу потеряло свою прелесть, и самолёт, прибывший из Анадыря с первыми лучами солнца, опустив крылья, одиноко стоял на полосе, какой-то задумчивый и молчаливый.

16 августа 1987 г. день открытия памятника. Вертолёт Ми-4 с бортовым номером 02322

С тяжёлым, щемящим сердце чувством расставался Александр Григорьевич с друзьями, с людьми, которых много лет знал, с посёлком, к которому очень привык и полюбил за двадцать прожитых в нём лет. Ещё труднее было свыкнуться с мыслью, что никогда больше не поднимется он над сопками Искатеньского хребта, стоя на ступеньке лестницы в кабине своей «четвёрки».

Уехал старый бортмеханик и увёз с собой часть истории,

увёз часть того, что никому уже не доведётся испытать.

Вот так постепенно уходят люди. Вместе с ними уходит и колорит того прошлого, который отличал первые дни новой Чукотки от дней нынешних.

С тех пор многое изменилось. И дома, и улицы стали другими, и машины поменялись в облике. Много лет прошло с тех пор, как с ледовой полосы зимнего аэродрома на заливе взлетел первый ЛИ-2. Ему на смену пришли краснокрылые ИЛ-14. Их сменили скоростные ЯК-40, потом более сильные АНы. Но есть в семье нашей авиационной техники одна машина, почти четверть века честно выполнявшая свой долг. Это вертолёт МИ-4. Какую только работу не приходилось делать ему! Был он автобусом и грузовиком, геологом и оленеводом, почтальоном и скорой помощью.

Ушёл на пенсию бортмеханик Шмин, и вместе с ним покинула небо одна из его «четвёрок». Так уж случилось, что их рабочий стаж совпал. У каждой машины, как и у человека, есть определённый ей жизнью срок. В этой жизни свои удачи и неудачи, свои праздники и знаменательные даты. День рождения и день, когда пора уступить место более сильным, новым машинам.

Недолго осталось летать оставшимся у нас «четвёркам». Пройдёт всего два года, и последний МИ-4 навсегда покинет наши воздушные дороги, уйдя в прошлое, оставив о себе лишь добрую память у людей.

И нам, людям, нельзя забывать, что именно эта машина

в руках лётчиков была лучшим помощником геологов, строителей, оленеводов в период освоения и самого интенсивного развития районов Восточной Чукотки.

Совет молодых специалистов аэропорта «Залив Креста» выдвинул предложение – установить на пьедестале один из отживших свой век стареньких Ми-4. Пусть он станет памятником, символизирующим *уважение и человеческую благодарность* винтокрылой машине – первопроходцу громадных территорий Чукотки.

С большим энтузиазмом встретили наше предложение в Иультинском РК ВЛКСМ.

– Памятник вертолёту, вертолёту-труженику, несомненно, имел бы огромное значение в воспитании у молодёжи патриотических чувств, любви к Родине, высоких нравственных принципов. А это одна из основных задач ЦК ВЛКСМ и каждого из нас, – говорит Ольга Зайцева, первый секретарь районного комитета комсомола.

– Пусть этот памятник станет символом, объединяющим лётчиков и геологов, строителей и тех, кто ступал на болотистую бескрайнюю тундру, разбивал первые палатки, ставил новые буровые и ждал, ждал неутомимую «четвёрку». Пусть этот символ объединит человека и машину и станет звеном, которое свяжет нас и будущие поколения с теми, кто возводил первые дома и открывал новые месторождения. Пусть он станет памятником всем, кто делал нашу землю теплее.

Р. С.:

Недавно наблюдал, как на площади около аэровокзала нашего аэропорта прощались выпускники. Весело смеялись, дарили улыбки друг другу, и конечно, фотографировались на память на фоне памятника вертолёту Ми-4. Поймал себя на мысли, ведь не первый раз вижу эту картину. Значит, не зря! Значит, нужен он людям! Кто в отпуск полетел, кто насовсем. Улетающие, прилетевшие люди подходят к вертолёту, фотографируют друг друга. Какая-никакая, а ведь наша достопримечательность, наравне с музеем или аркой «Полярный круг» на 24 километре Иультинской трассы.

Улетая из аэропорта, подошёл попрощаться.

– Ну, прощай, дружище!

Где-то была памятная надпись:

«Ми-4. Работал на Чукотке». Нет. Не нашёл.

Одинокий. Беспризорный. Брошенный. Забытый руководством аэропорта.

Лопасты отвалились. Лобовое стекло кабины разбито. Колёса спущены. Да и красили последний раз лет пять тому назад, скорее всего, на оставшемся комсомольском энтузиазме и личной инициативе работников аэропорта.

И приходят мысли невесёлые на ум. Ведь идут на посадку в самолёт работники районной администрации, избранные народом депутаты, не покладая рук занятые решением народных проблем, работники аэропорта, которым, по сути, принадлежит идея увековечить «четвёрку», неужели никому

не хочется видеть памятник гордым, достойным, красивым?

Взывать к чьей-либо совести не хочу и не буду. Совесть – понятие относительное. А здесь обычные деньги нужны.

Не знаю, кому как, но лично мне стыдно перед теми людьми, которые доверили нам свою память. Перед Эдуардом Павловичем Новицким. Перед Леонидом Григорьевичем Аваковым. Стыдно перед Валентином Петровичем Банниковым, перед Михаилом Ивановичем Величко. Перед Ваней Кабановым, Валерой Тишковым и другими смелыми, сильными, мужественными людьми, работавшими на благо страны, во благо своего народа, своего Отечества.

Очень хочется узнать мнение работников аэропорта «Залив Креста». Работников администрации Иультинского муниципального района. Депутатов Иультинского районного совета, работников краеведческого музея, учителей и учащихся средней школы, всех жителей Иультинского района, в том числе и бывших наших земляков, проживающих вдали от Чукотки.

Нужна нам память о людях, летавших в небе Чукотки? А то, может быть, и правда пришло время сдать Ми-4 на цветной металл, а деньги поделить? Тогда не забудьте о старых комсомольцах.

День Победы

На фотографии: Ю. Лаптев, М. Супрунюк, Е. Смирнов

Вот сколько раз себе говорил, да что там говорил, чуть ли не клялся! «Никогда молодёжь ругать не буду! Какими бы они ни были, всё равно дети лучше своих родителей!» Так природой предназначено. Потому и мир развивается! А если по-другому – пришлось бы шкуры напяливать и снова жить в пещерах!

Вот сидим с Валеркой у него в комнате, слушаем новый

альбом The Beatles. Вчера на пароходе достали. Вроде бы и негромко совсем. Стучатся в дверь. Соседка кричит сумасшедшим голосом:

– Выключи своих идиотов! Два часа ночи! Завтра на работу!

Почему «идиотов»? Потому что поют по-английски? Ну так вам же нравятся цыганские песни? А цыганский язык вы понимаете? Нет. То-то! А потом утром всем на работу! Странные люди эти соседи! Только о себе думают!

Вот когда у меня будут дети, я им любую музыку разрешу слушать. Лишь бы нравилась! И ругать никогда не буду! У них наверняка всё будет по-другому. Всё будет лучше, чем у нас! Ведь это их жизнь, их мир! Вот и пусть живут по-своему.

Нет, никогда не буду ругать молодёжь!

Сорок лет спустя

Да... Непонятна мне эта молодёжь! Хоть и обещал, что не буду критиковать, а ведь не получается!

Как посмотришь центральные каналы телевидения, а там: сплошной гламур, тусовки, бомонд, менты и бандиты! А молодёжь звездится! Развлекаются! То ли от безделья, то ли с жиру бесятся. Хвастают друг перед другом, у кого в квартире дверь дороже! Как послушаешь, за такие деньги квартиру можно купить, машину и домик в подмосковной деревне. Говорят: «Честно заработанные!»

Получается, если у меня нет ни квартиры своей, ни машины, значит, всю жизнь нечестно работал? Зарплату напрасно получал?

А кто-нибудь из вас видел, как наши пацаны зимой снежную крепость делают? Или берлогу в сугробе копают? Как со щитом в руках на деревянных мечях сражаются? Или как на обычные санки крылья из фанеры приделывают, чтобы потом с трамплина целых пять метров пролететь? А может быть, кто-нибудь в походы ходит? В распадок? На сопку? На водопад? На седьмой километр, на речку, форель на удочку поймать? Под рамку! На водокачке.

Сегодня наших деток от компьютера не оторвёшь! Вся их жизнь – виртуальная реальность!

То ли дело мы! Летом учителя возили нас на трассу. Приедем на сто двенадцатый километр, поставим палатку у ручья в кустах. Вокруг травка зелёная, небо голубое, солнце золотое. В ручье вода звенит хрустальная. «Жу-жу-жу-у-у», – шмель пролетел. Птички трели летние выводят. А если повежёт, так зайчика спугнёшь под кустом. А как поймает в ручье хариуса радужного да ушицу на костре с дымком! А салатик из лука дикого! По осени грибы, ягоды собирали. Зимой на лыжах ходили на старый аэродром. Жили в домике. Топили печку. Спали на нарах. А утром шли домой. Такие походы нас объединяли. В походах мы помогали друг другу. Мальчишки – девочкам. Девочки – мальчишкам. Появлялись общие интересы и то, что называется простым, старым доб-

рым словом ДРУЖБА! Разгоралась печка, и в домике становилось тепло, даже жарко. Мы варили в котелке простой суп из тушёнки с картошкой, пили чай с печеньем и конфетами, а потом каждый занимал своё место на нарах. Нары были двухъярусные. Кто поменьше, забирался наверх. Устроившись удобней, мы, затаив дыхание, слушали, как Юрий Иванович рассказывал истории о Великой Отечественной войне.

Юрий Иванович, наш учитель, был разведчиком. Однажды он взял в плен немецкий танк «Тигр» вместе со всем экипажем! Правда, Юрий Иванович не любил рассказывать о войне, очень редко соглашался, а потом переходил на книги, которые недавно прочитал.

Юрий Иванович был настоящим героем! Поэтому он принимал участие в военном параде на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года. Он был хорошим учителем, строгим, но добрым, и мы его очень любили. Никогда на нас не кричал. Никогда не жаловался нашим родителям, а наоборот, только хвалил!

Будучи уже взрослыми людьми, каждый год 9 мая мы приходили к Юрию Ивановичу Воробьёву домой, чтобы поздравить его с Днём Победы. Выпить по рюмочке фронтовых пятьдесят грамм, полчаса поговорить с ветераном было для нас обычной нормой поведения, и Юрий Иванович всегда радовался нашему визиту.

Наверное, поэтому, окончив школу, некоторые из нас никогда не расставались с палаткой и рюкзаком. Мы продолжа-

ли покорять вершины сопок. Ходили в походы. Сплавлились по рекам. Нашими спутниками были фотоаппарат и удочка.

Новый год мы встречали в нашем распадке, где строили настоящую гренландскую иглу. Салют! Шампанское! Крепкий сладкий чай на примусе!

Выходили на лёд залива. Ставили палатку. Ловили крабов. Ночевали в чукотском спальном мешке – кукуле.

А однажды мы решили водрузить флаг на самой острой вершине одной из окрестных сопок. Сделали всё так, как было задумано. Утром 9 мая, в солнечный, ясный день, поднялись на вершину сопки, водрузили флаг.

Спросите зачем? Да просто так! В благодарность Юрию Ивановичу! За нашу Победу! За наших ветеранов! Просто чтобы мужиками себя почувствовать! Может быть, это и есть самая главная причина.

От себя и от имени всех моих друзей поздравляю вас, дорогие наши ветераны, **ПОБЕДИТЕЛИ** самого страшного и ненавистного зла – фашизма!

Поздравляю весь народ России и всех людей, готовых противостоять и не допустить фашизм на нашей планете!

С Днём Победы, дорогие друзья!

Брат приехал

Я и сам последние лет пять занимаюсь предпринимательством. Как многие теперь. Поэтому, когда в подъезде нашего дома на первом этаже открыли частное кафе, ничего не имел против. Вот, наконец-то! Дождались! Теперь можно делать «всё, что не запрещено»! Иметь своё фермерское или хотя бы личное подсобное хозяйство. Сокращённо – ЛПХ. Иметь частный магазин. Своё кафе. У меня всё это уже было. Причём в прошлом. И ЛПХ, и магазин, и кафе. Правда, не пошёл бизнес. По разным причинам. Рынок маленький. Да и время неподходящее. Зарплату на производствах люди не получают месяцами. Отсюда дефицит покупательной способности. Отсутствие спроса у населения.

Пойдёшь на своё ЛПХ, забьёшь свинку, захочешь мясо продать, а покупателя нет. Простоишь весь день в киоске и несёшь это мясо в кафе. Готовишь из него: жаркое, отбивные, колбаску домашнюю, пельмени, рулеты мясные. Одним словом, что только ни готовили! А фантазии насчёт поесть, поверьте, у нас тогда хватало!

Поваром в кафе был мой брат. Второй брат стоял за стойкой бара и во всём ему помогал. Наши друзья также имели каждый свою задачу. Кирилл работал продавцом в магазине. Лёха на все руки мастер: по сантехнике, по электричеству. Где что сделать, отремонтировать – Лёха. Серёга

вёл бухгалтерию. Витя – организатор и авантюрист! Регулятор административных, юридических и финансовых вопросов. Бендер, одним словом! Потому и название кафе «РИО». Просто. Но со вкусом! Да ещё друзей и соседей у каждого по два-три человека. Весёленькая такая компания подобралась! Так вот. Наведём порядок в зале, намоем горы посуды, наготовим колбаски домашней, окорочков, отбивных нажарим и ждём клиента. А вдруг сегодня повезёт и в ЖКХ или в торге зарплату дали? Тогда народ обязательно потянется! Но нет. И сегодня не идёт клиент!

Вот двое парней, кажется, пришли культурно посидеть. Купили телевизор. Хотят обмыть обнову. Подходят к стойке. Ну, сейчас как закажут!

«Нам бутылочку водки, пожалуйста...» – скромно так говорят.

«А кушать будете? У нас заливное есть. Салатики. Картошечка фри. Рыбка свеженькая. А хотите, шашлычок из свининки сделаем, окорочка поджарим...»

«Нет. Не надо. Лучше стакан воды, пожалуйста...»

Ну вот. Снова вечер не удался!

Так что я вам скажу, друзья, дорогие товарищи, сложное это дело – свой бизнес вести!

Тут ведь не только деньги считать уметь надо. Тут ещё и психологом быть приходится.

У одного клиента радость – сын родился, а выпить не с кем. Угощает.

У другого горе случилось: жена с другим ушла или с работы выгнали. А на водку денег нет. Можно в долг? Подписать?

А что делать? Приходится садиться с ним за один столик и сочувствовать. Успокаивать человека. Надо ведь понять, проникнуться сочувствием, сказать хорошие, добрые слова. Как-то успокоить его душу. А ведь для этого надо вникнуть в ситуацию. И как тут без рюмки обойдёшься? А по одной – так это вовсе не дело. Теперь вы меня понимаете?

Тяжёлая это работа – быть предпринимателем! Непростое дело – бизнесом заниматься. Это только кажется, что все предприниматели в шоколаде. Куда уж там! Ответственно могу заявить, тяжело нести груз личного предпринимательства! Не верите? Сами попробуйте!

Поэтому, когда на первом этаже дома, в котором я живу, открывали частное кафе и меня попросили подписать письмо, что я не возражаю против размещения кафе в подъезде, я без лишних раздумий его подписал. Даже и не читая. Пусть люди работают! Жалко, что ли? Неудобства – так мы не баре! Потерпим! Как-нибудь переживём! Тем более что владелец кафе клялся и обещал, что это ненадолго. Только на время. Пока в другом здании ремонт не сделают. Скоро переедем!

Шло время. Наступила вторая зима.

У владельца кафе, как когда-то у меня, тоже было своё подсобное хозяйство. В конце восьмидесятых вместе начинали. У него получилось, а у меня нет. Так же как и я

в своё время, он и сегодня держит свинок для своего бизнеса. Так же как и мы, готовит колбасу и пельмени в своём кафе.

Но наш бизнес после двух лет бесполезной работы пришлось прекратить. Все участники нашего предпринимательства разбежались, разъехались по стране. Оба моих брата живут теперь в далёком Краснодаре.

Правда, я несколько не жалею о том, что за два года наших стараний мы ничего не смогли заработать, а только измотали нервы жёнам и всем своим близким. Ну, не получилось и ладно! Жизнь ведь только начинается! Работа есть. Семья обеспечена. Дети растут. Что ещё человеку надо для счастья?

Правда, вот как-то с кафе в подъезде не очень складно получилось. Пока народ в кафе сидит за столиками, ничего плохого. А когда после третьей рюмки выходят в подъезд покурить – ничего хорошего! Чем позже к вечеру, тем хуже! Музыка становится громче, топот танцующих ног сильнее, алкогольный суррогат пополам с табачным дымом проникает в квартиру. Вы можете себе представить такое в своём подъезде? Вот то-то же!

Как-то захожу в подъезд. На ступенях посетители кафе, человек пять-шесть. Нормальные такие молодые ребята атлетического телосложения. Им уже весело и хорошо. Оживлённый разговор. У каждого папироса в руке. Дым поднимается на этажи и через двери попадает в квартиры. И никто ведь не возмущается! А это потому, что соседи в подъезде

в основном одинокие женщины. И некому за них заступиться.

Я им вежливо так говорю: «Ребята, вы бы вышли курить на улицу. Я здесь живу, а вы травите меня и моих соседей».

«Мужик, ты если здесь живёшь, так мы тебя не выгоняем. Иди, куда шёл, и живи, и радуйся, пока цел, а мы пришли сюда отдохнуть и поужинать. Не мешай!»

Я, конечно, не из робкого десятка и слабаком себя не считаю, но в лоб против такой толпы не попрёшь, что называется. Молча проглотил пилюлю и побрёл домой, опустив голову. Обидно!

Так, раз за разом, капля за каплей, накопилась во мне обида. Однажды встретив хозяина, так прямо ему и сказал, что такая ситуация меня уже не устраивает. У меня семья, дети, надо уважать хоть немного. И если ты сказал, что кафе тут временно, так будь добр: или наведи порядок, чтобы не создавать соседям неудобств, или переезжай поскорее в другое здание.

«Да, да... Конечно, конечно, я всё понимаю», – виновато говорил хозяин кафе, но с наступлением вечера жителей нашего подъезда вновь ждала громкая музыка и алкогольный перегар.

Шли дни. Вот и Новый год наступил. Скоро весна!

Январским морозным днём в небе над заливом прогудел серебристый, краснокрылый пассажирский Ан-24, а через час в нашей квартире раздался звонок. Открываю дверь –

ба!.. Брат приехал! Здравствуй, родной! Заходи! Почему не предупредил? Не позвонил даже?

«Сюрприз хотел сделать. Открывай сумку!»

Ого! Ничего себе! Здоровенная дорожная сумка, доверху набитая мандаринами! Вот так презент! По комнате разнёсся мандариновый аромат! Вот где настоящая радость детям!

«Эти мандарины не на базаре куплены. Из Грузии! Сам собирал и по горным дорогам на машине рулил! Самые свежие!»

«Да я так. Ненадолго, – продолжал брат. – Вот, сигареты привёз на продажу. Поможешь продать?»

«Да какие проблемы? Конечно, помогу! Только не сегодня. Завтра пойдём к коммерсантам нашим. А сегодня, сегодня мы с тобой выходной день устроим! Ты, братишка, сбегай за водочкой в „Колос“, а я пока картошечки поджарю да селёдочку нарежу...»

И так мы хорошо посидели у меня на кухне, что одной нам оказалось мало!

Пора идти в магазин. Оделись и пошли. Слава богу, поговорить есть о чём. Больше года ведь не виделись.

На выходе из подъезда, на лестничной площадке, как всегда в это время, курили двое парней. Из приоткрытой двери кафе доносился призывный голос Розенбаума: «...Заходите к нам на огонёк...»

«И ты это ещё терпишь?» – зная мой характер, удивился брат.

«А что делать, людям тоже жить надо...» – с пониманием ответил я.

Вот и магазин, только время уже давно за все возможные грани вышло. Счастливые часов не наблюдают! И водку нам нигде не продают. Поздновато вспомнили! Вот незадача. А выпить, как назло, так хочется!

И тут меня осенило! Как мне тогда показалось, умная мысль пришла на ум. А что если мы купим бутылочку в кафе, что в моём подъезде? Купим да пойдём ко мне на кухню. Правда, я в кафе ещё ни разу не был, так заодно и посмотрим! Бар. Интерьер. Сравним с тем, что у нас было. Ради любопытства. Так и решили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.